

УДК 1 (091)

Религиозные экзистенциалисты о феномене кризиса

С.Г. КАРПОВА

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина, E-mail: intersub@rambler.ru

Авторское резюме

В статье раскрыты основные положения представителей религиозного экзистенциализма о феномене кризиса. Представители религиозного экзистенциализма (М. Бубер, Г. Марсель, К. Ясперс) проводили анализ феномена кризиса в основном через антропологическую тему. Антропологический кризис в философии М. Бубера и Г. Марселя раскрывается посредством анализа взаимоотношений человека и Бога. Возможный вариант выхода из кризиса – это межличностный диалог Бога и человека («Я – Ты»).

М. Бубер выделяет социологическую природу кризиса и кризис духа. Он акцентирует основное внимание на взаимосвязь «одиночество – кризис». Анализируя современный антропологический кризис, он связывает его с темой технического прогресса и упадка духовности. Так философ приходит к прояснению трех областей жизни человека, через которые проявляется кризис человеческой души. Это такие области жизни, как техника, хозяйство и политическая практика. Именно они, считает М. Бубер, формируют в душе человека одиночество и пустоту. Г. Марсель и К. Ясперс также обращали внимание на проблему взаимоотношения «человек – техника». Они отмечают влияние такого отношения на существование кризиса и упадок духовности.

Ключевые слова: антропологический кризис, кризис, природа, религиозный экзистенциализм, священное, техника, человек.

Religious existentialists about the phenomenon of the crisis

S.H. KARPOVA

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnipropetrovsk, Ukraine, E-mail: intersub@rambler.ru

Abstract

The article revealed the basic situation of the phenomenon of crisis in the religious existentialism.

Philosophers of religious existentialism (Buber, Marcel, Jaspers) analyzed the phenomenon of the crisis primarily through anthropological topic. Anthropological crisis in philosophy Buber and Marcel was revealed by analyzing the relationship between man and God. A possible way out of the crisis – it is an interpersonal dialogue between God and man («I – You»).

M. Buber distinguishes sociological nature of the crisis and the crisis of the spirit. It focuses attention on the relationship «loneliness – a crisis». Analyzing contemporary anthropological crisis, he associates it with the theme of technological progress and decline of spirituality. So the philosopher comes to clarify three areas of human life, which manifests itself through the crisis of the human soul. There is such area of life: technology, economy and political practice. They, said M. Buber, formed in the human soul loneliness and emptiness. Marcel and Jaspers also drew attention to the problem of the relationship of «man – machinery». They noted the influence of the existence of such a relationship crisis and decline in spirituality.

Keywords: anthropological crisis, crisis, nature, religious existentialism, sacred, technology, people.

© С.Г. Карпова, 2014

Постановка проблемы. Современные исследователи часто констатируют наличие социального, политического и антропологического кризиса. Всестороннее осмысление феномена кризиса в связи с антропологической и технократической проблематикой началось в первой четверти XX века. Особое значение для нынешних историков философии начинает приобретать кризисная рефлексия представителей религиозного экзистенциализма. Именно религиозные экзистенциалисты (М.Бубер, Г.Марсель, К.Ясперс и др.) одними из первых обозначили то кризисное мышление, которое стало центральным для философии XX-XXI вв. Потому актуальным сегодня является анализ основных кризисных дискурсов представителей религиозного экзистенциализма.

Анализ исследований и публикаций. Отечественная исследовательница А.Залужна анализировала религиозно-нравственную проблематику в нигилистически ориентированном экзистенциализме, а также в отечественном экзистенциалистском философствовании. Вместе с тем, анализ кризисных дискурсов религиозного экзистенциализма не стал основным предметом ее исследования. Среди российских ученых исследованием религиозного экзистенциализма занимались В.Визгин и Г.Померанц. Однако кризисные дискурсы в философских построениях представителей религиозного экзистенциализма не стали темой отдельного рассмотрения. Поэтому данная проблематика является недостаточно исследованной как в отечественной, так и в зарубежной философии.

Цель исследования. Раскрыть специфику феномена кризиса в построениях представителей религиозного экзистенциализма (М.Бубер, Г.Марсель, К.Ясперс).

Изложение основного материала. Антропологический кризис как проблема вызывал особый интерес у представителей религиозного экзистенциализма. Так, Г.Марсель и М.Бубер видели раскрытие человеческой сущности во взаимоотношениях человека и Бога. Бытие человека реализуется через его связь с Богом. Вопрос «что есть человек?» возникает в результате космической катастрофы, когда человек отпадает от Бога. По этому поводу М.Бубер пишет: «антропологический вопрос, подразумевающий человека в его специфической проблематике, прозвучал в ту пору, когда был расторгнут изначальный договор Вселенной и человека, и человек почувствовал, что он в этом мире пришелец и одиночка. Конец этого образа мира и, следовательно, его надежности повлек за собой и новые вопросы беззащитного, бездомного и потому проблематичного для самого себя человека. Но можно ясно показать, что и этот, и последующие кризисы – веки одного и того же пути» [1, с.192]. Выход из тупика антропологического кризиса возможен только лишь в живом, межличностном

диалоге «Я – Ты» между человеком и Богом. Сущность человека раскрывается в его стремлении к Другому, любви к Другому. Одиночество углубляет антропологический кризис. В то же время соединение «Я – Ты», соединение в любви человека с другим человеком выводит его на новый уровень бытия. Г.Марсель считал фундаментальным в философии М.Бубера момент, «что человек, поскольку он человек, наделен стремлением к другому, то есть в конце концов стремлением к Богу, и если современный кризис, тот самый антропологический кризис, о котором я уже говорил и мысль о котором буквально преследовала нашего философа, и может быть преодолен, то это возможно лишь при условии, что вышесказанное не только будет понято чисто интеллектуально, но будет и воплощаться в реально проживаемую жизнь людей» [6, с.152].

В своих философских построениях М.Бубер и Г.Марсель ссылались на категорию «единственный» (Einzelne), предложенную С.Кьеркегором. По мнению философов, термин «индивид» обезличивает человека. В то же время понятие «единственный» указывает на уникальность, неповторимость человеческой личности. Эта неповторимость дает возможность вступать в диалог «Я – Ты» как между людьми, так и между человеком и Богом. Представители религиозного экзистенциализма Г.Марсель и М.Бубер выражают согласие с С.Кьеркегором в том, что для того, чтобы стать «единственным» необходимо «вступить в эксклюзивную связь с Богом, такую, которая отсылает все другие связи в сферу несущественного (unwesentlich)» [6, с.146]. Вместе с тем, Бубер не соглашается с утверждением Кьеркегора, что абсолютный Ты не может быть эксклюзивным, исключаяющим, но, напротив, является инклюзивным, включающим [6, с.146]. В отличие от Марселя и Бубера, которые видели первопричину антропологического кризиса в разрыве диалога «Я – Ты», другой представитель религиозного экзистенциализма – К.Ясперс, предлагал иной ракурс проблемы. Он видел первопричину антропологического кризиса в том, что человек утратил свободу. Так, у немецкого философа читаем: «С того момента, как в сознание людей проникло понимание великого кризиса Запада, всю Европу охватила тревога за человеческую свободу. Самые ведающиеся люди увидели возможность утраты свободы» [9, с.22-23]. Таким образом, разрыв диалога «Я – Ты» не просто фиксирует социальный или политический кризис, но и антропологический. При этом предполагается также и духовный декаданс. Отталкиваясь от изложенного ранее, полагаем, что философия диалога (в конечном счете, направленная на воссоединение человека (Я) с Богом (абсолютным Ты, не может быть познана только интеллектуальным способом. Взаимосвязь «Я – Ты»

носит исключительно интимный характер, который не всегда можно оценить рациональным способом, тем самым она выводится из сферы чисто интеллектуального познания. В этом дискурсе философия диалога окрашена мистическими тонами. Именно данный аспект в философских построениях Г.Марселя и М.Бубера позволил Э.Левинасу утверждать, что это «свидетельствует, причем непрямым образом, о том кризисе философии, который обнаружился в эпоху между двумя войнами» [3, с.364]. И тут антропологический кризис подразумевает возможность существования и научного кризиса.

Остроту антропологической проблемы и выделения ее в отдельный, самостоятельный философский вопрос, по мнению М.Бубера, обуславливает социологический кризис (философ пишет о «социологической природе») и кризис духа. Первый связан с прогрессирующим распадом прежних органических форм прямой человеческой совместной жизни. Представитель религиозного экзистенциализма пишет: «Подразумеваются те человеческие общности, которые в количественном отношении не могут быть большими, чем это требуется для постоянного пребывания вместе всех объединяемых ими людей и для непосредственных отношений их друг к другу...К таким формам относятся семья, ремесленный союз, сельская и городская общины» [2, с.192]. Активное разложение этих традиционных структур стало платой за рождение буржуазного общества. Тогда же, с начала XIX века, по словам М.Бубера, «начинается новый приступ мирового одиночества» [2, с.192]. В человеке, который лишился традиционных опор, а взамен не получил ничего кроме эфемерных образов справедливой руки рынка или земного рая, стала возникать пустота. В построениях философа особо остро звучит тема «одиночество» – «кризис». Причем здесь кризис – это первопричина того экзистенциального чувства, о котором пишет большая часть представителей религиозного экзистенциализма, – это чувство одиночества. Например, Бубер пишет, что «старые органические формы часто сохраняют свою внешность, но при этом постепенно разрушаются изнутри, утрачивая былой смысл и духовную крепость. Новые общественные формы и рожденные ими человеческие взаимосвязи – клуб, профсоюз, партия – могут, конечно, не без успеха разжигать коллективные страсти, «заполняющие» человеческую жизнь, но они не дают былого ощущения стабильности» [2, с.192-193]. В то же время чувство одиночества становится не только результатом существования кризиса, но и является тем, что обостряет антропологический кризис. И таким образом получается, если интерпретировать положения М.Бубера, то это чувство начинает играть несколько иную роль. Чувство одиночества, несмотря на попытки его подавления, становится уже не результатом суще-

ствования кризиса, а причиной, обостряющей антропологический кризис. Так, у Бубера читаем: «Обострившееся чувство одиночества заглушается и подавляется деловыми заботами, но стоит человеку, оторвавшись от суеты, войти в свое обычное лоно действительной жизни, он сразу узнает всю глубину этого одиночества, а став лицом к лицу с коренными вопросами своего бытия, изведает и всю глубину человеческой проблематики» [2, с.192-193].

М.Бубер приходит к выводу, что отличительной чертой современного антропологического кризиса является перемена в отношении человека к вещам и связям, созданным его трудом или при его косвенном участии. Философ-экзистенциалист пишет: «Эту особенность можно было бы определить как отторжение человека от его творения. Человек отныне не может совладать с миром, который есть создание его рук. Этот мир сильнее своего творца, он обособился от него и встал к нему в отношении элементарной независимости. А человек не знает заклинания, которое могло бы сделать нового Голема кротким и послушным» [2, с.193]. В связи с этим мыслитель выделяет три области жизни, через которые проявляется кризис человеческой души. Первой областью является техника. М.Бубер считает, что машины, созданные для того, чтобы служить человеку, сделали его своим рабом. Машины были «задуманы всего-навсего как инструмент и некий придаток человеческих рук, но человек сам стал их придатком и одной из снующих взад и вперед мелких деталей» [2, с.193]. Второй областью жизни, которая порождала в душе человека пустоту и одиночество, стало хозяйство. М.Бубер указывал на отрицательную сторону постоянно растущей экономики: «Увеличенное до чудовищных размеров ради удовлетворения нужд растущего населения производство уже не поддается разумному регулированию, т. е. процесс производства и потребления благ вышел из-под контроля человека и не выполняет его команд» [2, с.193]. Третьей областью, порождающей пустоту, стала политическая практика. Этот тезис М.Бубер строил основываясь на катастрофическом опыте Первой мировой войны. М.Бубер видел, как на его глазах рушатся все мифы XIX века. Вера в прогресс, вера во всемогущество разума человека и скорое торжество идеалов гуманизма уступили место страху перед темными иррациональными силами, которые пожирают человеческую душу, низвергая человеческий разум в бездну абсурда. Эти силы, лишь с виду зависящие от воли человека, «постепенно освобождаются от всяких оков и, презирая человеческие расчеты, обрекают все живое – по ту и другую стороны фронта – на уничтожение. Так человек оказался перед страшной реальностью, смысл которой в том, что творец демонов перестал быть их господином» [2, с.193]. Данный аспект инте-

ресовал и других представителей религиозного экзистенциализма. Так, К.Ясперс также видел в формировании новой технической среды проявление структурного кризиса охватившего современную цивилизацию. Философ отмечал: «развитие техники ведет не к освобождению от власти природы посредством господства над ней, а к разрушению, и не только природы, но и человека. Не знающее преград уничтожение всего живого ведет в конечном итоге к тотальному уничтожению. Ужас перед техникой, охватывавший уже в начальной стадии ее развития многих выдающихся людей, был прозрением истины»[8, с.175]. Причем в данном контексте «кризис» предполагается не только как кризис природный, но и как антропологический. Тут, полагаем, кризис-феномен осмысливается не как некое «переходное состояние» или «упадок», а приобретает апокалипсический оттенок и представляется как некая тотальная катастрофа.

Другой представитель религиозного экзистенциализма – Г.Марсель в работе «Священное в эпоху техники» также обращает внимание на кризисные дискурсы, которые формируются в связи с ростом технического потенциала человечества. Так, он обозначивает, с его точки зрения, одну из самых глубоких и важных проблем. Французский философ считает, что независимо от того, верующим или неверующим является человек, для него важной должна быть та перспектива, перед которой оказывается человек в связи с проблемой отношения человек–техника. Философ-экзистенциалист пишет, что эта проблема «... заставляет нас задуматься о том, что же человек, все более и более контролируемый изобретаемыми им техническими средствами, делает с самим собой»[5, с.213]. Но эта мысль, направленная на себя, с точки зрения Марселя, в данном контексте не приведет к какому-то оптимистическому выводу. В таком случае предполагается, в конце концов, десакрализация, и преобладание манипулирования в интерсубъективных отношениях, которые в результате не оказываются таковыми (интерсубъективными), так как человек не воспринимается как единственный и неповторимый. В этом, по сути, и заключается сущность приближающегося кризиса. В эпоху технократизма теряются сакральные свойства человека и сама ценность жизни: «Исходя из всецело десакрализованной и пессимистической картины жизни, люди приходят к тому... чтобы рассматривать жизнь как простой вид энергии, стать господином над которой считается важным для минимизации ее вредоносных последствий»[5, с.222]. Таким образом, Г.Марселем потенциально фиксируется не просто антропологический кризис, но и духовный кризис, который идет от упадка религиозного духа и чувства «священного». Однако он предполагает возможный выход из ситуации, ко-

торая потенциально может произойти. Французский философ отмечает, что «...мы сможем найти путь к священному лишь при условии, если отвернемся от этого мира, с тем чтобы снова обрести ту простоту, которая, быть может, имеет другое название для неповторимой единственности нашего существа, а также и для задушевности, выступающей привилегированным местом для священного»[5, с.225-226].

Так представители религиозного экзистенциализма пришли к выводу о деструктивном влиянии техники на сущность человека. Обобщая идеи религиозных экзистенциалистов, В.Визгин писал о том, что возникновение и развитие индустриального общества в связи с развитием техники и науки не несло однозначно созидающий момент. Как отмечает российский исследователь, основанием так полагать является существование дерзости, безмерности, высокомерия, которые сопутствовали становлению индустриального общества, науки, техники. Это формировало специфический дух – «дух завоевания мира». И таким образом уже образуется новая философия, которая с одной стороны пытается хотя бы сформулировать абстрактный «дух завоевания мира», но «... в свою очередь лишь усиливает его. При этом экзистенциально-антропологическое измерение, трезвость и смирение духа перед неисчерпаемой тайной бытия уходят на задний план. Все последующее развитие с его вызовами и кризисами становится понятным, если вспомнить о главном эпизоде истории с доктором Фаустом, не испугавшимся заложить душу дьяволу ради обретения всесильной науки, дающей возможность господства над миром и над людьми»[4, с.211].

В то же время для представителей религиозного экзистенциализма тема кризиса не касается только лишь технократического аспекта. Кризис человека, во многом даже человечности, полагаем, порождает по цепной реакции новые проблемы и кризисы. Самым явным из таких кризисов, который к тому же ставит под угрозу физическое существование человечества, можно считать экологический кризис. Не обозначивая конкретно само понятие «экологический кризис», К.Ясперс как бы намекает на существование экологического кризиса, через осмысление проблемы соотношения человек – природа – техника. Так, представитель религиозного экзистенциализма указывает на то, что человек разрушает естественную среду обитания и создает новую, искусственную, которая в сознании технократического человечества трансформируется в «естественную». По этому поводу К.Ясперс пишет: «Человек вырывается из своей изначальной «естественной» среды. Теперь создается новая среда, в которой должна быть так или иначе воссоздана «естественная среда», уже зависимая и относительная, на принципиально иной основе. В технической

деятельности главное – это производить. Цель, а вместе с ней и техническая аппаратура, является для сознания первостепенным: напротив, то, что дано природой, отстывает во мрак» [8, с.176].

Другой философ-экзистенциалист М.Бубер в работах «Образы добра и зла» и «Проблема человека» также не называя «экологический кризис» приходит через осмысление соотношения техника – природа – человек к осознанию возможности его существования. В этом отношении интересны положения Г.Померанца, который дает свою интерпретацию экологического кризиса. Померанц, развивая идеи Бубера относительно доминирования технической среды над природной, приходит к выводу, что это доминирование есть первопричина острого экологического кризиса поразившего нашу планету [7, с.10].

Он видит предпосылки для экологического кризиса в демистификации природы, которая была проведена монотеизмом. Христианство четко проводит грань между Творцом и творением, лишая природу статуса божественности, которую она имела в языческих культах. Человек, по христианскому учению, есть венец творения и хозяин природы и поэтому вполне логично, что технократическое общество упрощенно восприняло эту идею, низведя природу в разряд мастерской. Г.Померанц пишет: «Понимание природы как Божьего лика – жизненная необходимость современного религиозного сознания и оно уже высказалось в религиозной поэзии. Монотеизм превратил природу в Оно, в объект использования и расхищения; поэзия заново открыла лес, море, горы как Ты» [7, с.10].

Полагаем, что подобные призывы в условиях, когда всеобъемлющий кризис вовлек в

свою орбиту и религиозные структуры, могут привести к ренессансу язычества с его обожествлением природы. Новый образ природы и образ человека-природы необходимо конструировать в зоне пересечения религии и философии. С учетом того, что и первая, и вторая оказываются подверженными кризисным явлениям.

Выводы. Представители религиозного экзистенциализма (М.Бубер, Г.Марсель, К.Ясперс) интерпретируют феномен кризиса в первую очередь через антропологическую тему. Антропологический кризис в построениях М.Бубера и Г.Марселя раскрывается посредством анализа взаимоотношений человека и Бога. В таком случае одиночество – это то, что может углубить кризис. Возможный вариант выхода из кризиса – это межличностный диалог Бога и человека («Я – Ты»). Иначе антропологический кризис рассматривает другой представитель религиозного экзистенциализма – К.Ясперс. Он считает результатом антропологического кризиса утрату свободы. М.Бубер выделяет социологическую природу кризиса и кризис духа. Он акцентирует основное внимание на взаимосвязь «одиночество – кризис».

Анализируя современный антропологический кризис, он связывает его с темой технического прогресса и роста бездуховности. Так философ-экзистенциалист приходит к выявлению трех областей жизни человека, через которые проявляется кризис человеческой души. Это такие области жизни, как техника, хозяйство и политическая практика. Именно они, полагает М.Бубер, формируют в душе человека одиночество и пустоту. Г.Марсель и К.Ясперс также обращают внимание на проблему взаимоотношения «человек-техника». Они отмечают влияние такого отношения на формирование бездуховности и кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бубер М. Образы добра и зла [Текст] / М. Бубер // М.Бубер. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
2. Бубер М. Проблема человека [Текст] / М.Бубер // М.Бубер. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С.157-231.
3. Визгин В. Левинас о различии философских взглядов Бубера и Марселя [Текст] / В.Визгин // Марсель Г. О смелости в метафизике: Сб. статей. – СПб.: Наука, 2013. – С.364-368.
4. Визгин В. Философия надежды Габриэля Марселя [Текст] / В.Визгин // Г.Марсель. Опыт конкретной философии. – М.: Республика, 2004. – С. 199-211.
5. Марсель Г. Священное в эпоху техники [Текст] / Г.Марсель // Марсель Г. О смелости в метафизике: Сб. статей. – СПб.: Наука, 2013. – С.212-228.
6. Марсель Г. Философская антропология Мартина Бубера [Текст] / Г.Марсель // Марсель Г. О смелости в метафизике: Сб. статей. – СПб.: Наука, 2013. – 411 с.
7. Померанц Г. Предисловие [Текст] / Г.Померанц // М.Бубер. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С.3-14.
8. Ясперс К. Истоки истории и ее цель [Текст] / К.Ясперс. – М.: ИНИОН АН СССР, 1978. – Вып.1. – 210 с.
9. Ясперс К. Истоки истории и ее цель [Текст] / К.Ясперс. – М.: ИНИОН АН СССР, 1978. – Вып.2. – 211 с.

Статья поступила в редакцию 15.04.2014

REFERENCES:

1. Buber, M. Obrazy dobra i zla (The Images of good and evil). Dva obraza very. M., 1995. 464p.
2. Buber, M. Problema cheloveka (The problem of human). Dva obraza very. M., 1995. pp. 157-231.
3. Vizgin, V. Levinas v razlichii filosofskikh vzglyadov Bubera i Marselya (Levinas 's philosophical views about the difference between Buber and Marcel). O smelosti v metafizike. SPb, 2013. pp.364-368.
4. Vizgin, V. Filosofiya nadezhdy Gabrielya Marselya (Gabriel Marcel's philosophy of the Hope). Opyt konkret-noy filosofii. M., 2004. pp.199-211.
5. Marsel', G. Svyashchennoye v epokhu tekhniki (Sacred in the era of technology). O smelosti v metafiziki. SPb, 2013. pp.212-228.
6. Marsel', G. Filosofskaya antropologiya Martina Bubera (Martin Buber 's philosophical anthropology). O smelosti v metafiziki. SPb., 2013. 411 p.
7. Pomerants, G. Predisloviye (The preface). Dva obraza very. M., 1995. pp. 3-14.
8. Yaspers, K. Istoki istorii i yeye tsel' (The origins of the story and its purpose). M., 1978. Vol.1. 210 p.
9. Yaspers, K. Istoki istorii i yeye tsel' (The origins of the story and its purpose). M., 1978. Vol.2. 211 p.

Карпова Светлана Геннадиевна – кандидат философских наук, доцент
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Адрес: 49010, г. Днепропетровск, просп. Гагарина, д. 72
E-mail: intersub@rambler.ru

Karpova Svetlana Hennadyevna – PhD in philosophy, associate professor
The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university
Address: 72, Gagarin Avenue, Dnipropetrovsk, 49010
E-mail: intersub@rambler.ru